

Ольга Ивасенко

Собаки, кошки и
Я

Ольга Ивасенко
Собаки, кошки и Я

«Издательские решения»

Ивасенко О.

Собаки, кошки и Я / О. Ивасенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986214-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Смешные и грустные истории о животных, которые
были и есть в моей жизни. За ними интересно наблюдать, как и им, наверное,
за мной — ведь мы все прекрасные частички Природы.

ISBN 978-5-44-986214-3

© Ивасенко О.
© Издательские решения

Собаки, кошки и Я

Ольга Ивасенко

© Ольга Ивасенко, 2020

ISBN 978-5-4498-6214-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С благодарностью и уважением:

писателю Юрию Каменскому за ненавязчивое подталкивание к написанию этой книги;

Павлу Федоренко за познавательный экскурс в природу психологии человека;

Виктору – есть люди, помощь которых невозможно оценить, потому что она бесценна.

Спасибо тебе!

*

Животные в нашем дворе были всегда. Первое и яркое воспоминание: я только научилась ходить (год? Чуть меньше?), мама развешивает бельё, стоя на горке земли в центре участка, а я, влекомая любопытством, топаю за времянку, где отец огородил угол и пустил туда купленных петуха и двух куриц. Как я попала в загородку к птицам – не помню, только то, что разъярённый петух кидается на меня, хлопая крыльями и долбя по моим ножкам клювом. На крик прибежала мама и, вытирая зарёванное дитя, дала задание отцу избавиться от «супостата».

Больше птицу не держали, как и вообще животных сельскохозяйственного назначения. Были собаки, но чаще всего коты, которые прошли через мою жизнь пунктиром, более-менее разной лохматости.

Последний пёс, перед долгим, безсобачьим, перерывом в двадцать лет, был шенок Рекс, помесь дворняжки и овчарки. Ему было всего пару месяцев, когда он появился в нашем дворе, с маминым категорическим требованием держать собаку только на привязи. Была сколочена будка, куплен ошейник и цепочка и я, пятилетняя девочка, отпускала его с привязи, как только представлялась такая возможность.

Подражая старшему брату, я украдкой брала его портфель, набивала своими журналами «Весёлые картинки» и играла «в школу». Напротив нас жил мальчик моего возраста, Серёжа, который мне очень нравился и я, делая вид, что его не замечаю, частенько выносила свою «школу» в виде деревянного ящика и скамеечки за калитку, где вслух «читала» журналы. Родители Сергея тоже держали собаку – злобную, матёрую овчарку, которая люто ненавидела детей и сидела в своём дворе, изредка срываясь с короткой верёвки, выскакивая на улицу и вызывая всеобщий переполох. Безбашенная, одним словом. Предпоследний её укус достался Валере, другому соседнему мальчику, которому она разорвала ухо и разъярённые родители, приходили ругаться к хозяевам овчарки, но так ничего и не добились, кроме брани, в которой принимала участие вся улица.

В один из летних дней, я снова вышла за калитку с деревянным ящиком и портфелем брата, и снова «читала» вслух, а Серёжка стоял у своего забора и, улыбаясь, наблюдал за мной. В какой-то момент я уловила резкое движение и, подняв глаза, увидела его, уже быстро карабкающегося на рядом стоящее дерево, распахнувшуюся соседскую калитку и молча нёсшееся на меня чудовище, которым нас пугали родители – соседскую овчарку, которая снова сорвалась со своей верёвки и выскочила на улицу. Замерев на какое-то мгновение, я развернулась и кинулась в свою калитку, но далеко отбежать не успела – овчарка меня настигла и вцепилась зубами в спину. Всё происходило слишком быстро, спасти меня не успевали ещё и потому, что я молчала, и только одно существо бесстрашно кинулось мне на помощь – Рекс. Невзи-

рая на щенячий возраст и иерархию среди собак, где младшие подчиняются старшим в обязательном порядке, несмотря на цепь, которая сковывала его движения, он запрыгнул овчарке на спину и, мгновенно переместившись, вцепился ей в глотку. После этого, той пришлось разжать челюсти и переключить внимание на Рекса, а я, получив свободу, сделала рывок и упала на кучу угля, которая высилась посреди нашего двора. И, наконец, смогла закричать.

Мама потом рассказывала, что выскочив на крик, она просто остолбенела, наблюдая страшную картину – ребёнок в разорванном платье, истекающий кровью и, рядом, соседская овчарка, крутящаяся на месте, пытающаяся стряхнуть с себя маленького Рекса, висящего у неё на гортани и сжавшего зубы в мёртвой хватке своими молочными зубами.

Дело было вечером, когда нас, детей, уже забрали из садика и родители, после работы, занимались делами каждый в своём доме. На крик сбежались все соседи и, последнее, что я увидела, прежде чем потерять сознание, это люди, молча стоящие у нашего невысокого забора и глядящие на меня.

В сознание меня привели только через несколько часов в больнице – я приходила в себя после обливания водой, после похлопываний по щекам, и снова его теряла от сильной боли. Овчарка прокусила мне поясницу очень глубоко и мне ещё повезло, что она не вырвала этот кусок спины (а что там за спина у маленького ребёнка?), просто не успела, отвлекшись на Рекса. Он, как говорили маме врачи, в полном смысле спас мне жизнь.

В больнице я находилась долго, но и потом довозили на те самые, злосчастные сорок уколов в живот.

Помню ещё один момент. Уже дома, после больницы, я просыпаюсь на своей кровати. В окно, закрытое не до конца ставнями, бьёт утреннее летнее солнце, мама, улыбаясь смотрит на меня и я, в полном восторге от того, что уже нахожусь в своей кровати, говорю: «Я хочу обнять Рекса. Можно к нему?». Мама мрачнеет, но ласково отвечает: «Нет» и, путаясь, начинает объяснять, что Рекс убежал с другими собаками и ему с ними будет лучше и веселее. Мне и жалко, что я больше не увижу своего пса и приятно за него. И только подойдя, через время, к будке, я понимаю, что никуда Рекс не убежал... И будка на месте, и цепочка так же прибита к ней, но вокруг густым слоем земля засыпана порошком хлорки и, невзирая на отпугивающий, едкий запах хлора, над этим местом кружат большие мухи. Я стояла, молча смотрела и отчётливо понимала в свои пять лет, что Рекса убили. Больше мы о нём не говорили, и только спустя лет семь, я стала спрашивать маму, что же произошло на самом деле.

После того, как меня унесли в дом и на помощь маме побежали несколько женщин-соседей, а овчарку быстро увёл во двор её хозяин, люди не расходились – эта история превысила все допустимые пределы. Пока ехала Скорая, к нам спешила и другая машина – так называемая «собачья будка». Ехала она за овчаркой, и мужчины-соседи поэтому и стояли кучками по улице, чтобы выломать закрытую наглухо калитку осаждённых хозяев овчарки, которые только огрызались из-за забора и поносили безответственных родителей, выпускающих детей на улицу. Женщины скандалили, а разъярённые мужчины молчали, и это было страшнее, чем скандалы – все уже устали бояться за своих детей и знали, что пойдут до конца, невзирая на крики хозяина: «Пусть только кто подойдёт к моей собаке!».

Овчарку, конечно, забрали и усыпили – собака, бросающаяся на людей, а тем более на детей и попробовавшая уже не раз вкус человеческой крови становится не просто опасной, она становится людоедом. В ту же ночь Рекса отравили, пока мама была со мной в больнице. Нашему щенку хозяева овчарки подбросили небольшие кусочки мяса, напичканные мелкими осколками стекла. Оголодавший щенок проглотил их не разжёвывая, и спустя некоторое время скончался в невыносимых муках. После этой истории мама отказалась заводить собак. Напрочь. А у меня на всю жизнь остались шрамы на пояснице, смещённая правая почка и, лет на десять, заикание.

Через некоторое время хозяева овчарки продали дом и уехали.

Казалось бы – ребёнок перенёс сильный стресс, связанный с собакой и должен теперь сильно бояться всё собачье племя. Но, наверное, из-за самоотверженности Рекса, собак я полюбила ещё больше, хотя и не приставала к маме с просьбой о новом щенке. Выход для своей любви нашла интересным способом – через год я пошла в школу, которая находилась в трёх автобусных остановках от моего дома и, возвращаясь из неё, шла не по центральной улице, как мне было приказано, чтобы находиться в гуще детей, а в обход, мимо других частных дворов в такое время суток бывших почти пустынными. Все на работе, в садиках, в школе и только собаки, почти в каждом дворе, провожают меня лаем и поскуливанием. Уже через несколько месяцев я знала всех псов «в лицо», их клички, а тех, у кого клички не удавалось узнать, нарекала сама именами, которые придумывала и на которые они, вот странно, отзывались. Из дома таскала хлеб, из школьной столовой булочки и коржики и подкармливала собак всех мастей, встречающихся мне по дороге.

Собакам, в отличие от других животных, очень важно человеческое внимание. Без еды они обойтись могут долгое время, если их отпустить от голода умирают редко, а вот человек для них, своего рода божество и ради ласки, ради доброго человеческого слова они отдадут, если надо, и свою собачью жизнь. Есть и обиженные псы, которые злятся на человека, их обиженного, чаще всего, физически. Многие не могут, из-за иерархии, такому человеку отомстить и, в итоге, направляют свою злобу на кого-то другого, стоящего в их стае на ступень ниже их самих. Так и получилось с соседской овчаркой, что я поняла немного позже, наблюдая поведение собак в разных ситуациях и условиях.

Не все собаки встречали меня радостным повизгиванием, были и вот такие, озлобленные, и я, изо дня в день, пыталась растопить их угрюмость и недоверие добрым словом. Почти всегда мне это удавалось, в той или иной степени. Да, от породы тоже зависит собачий характер. Изначально бойцовские породы спокойно переносят физическую боль, но это в схватках с четвероногими. Если же боль доставляют люди, то такая собака, почти не задумываясь, кинется и на человека, вместо того, чтобы убежать – слишком они независимы по натуре. То есть, увеличивая агрессивность, мы и получаем агрессивность на выходе за счёт других, более лояльных качеств в собачьем характере. Бывают исключения, конечно. Соседский питбуль, например, не может сидеть в своём дворе, когда хозяева уезжают – он рвётся на улицу пообщаться с людьми и человеческими детёнышами, которым дозволяется всё. Если ребёнок доставит ему боль, он только тихонько взвизгнет и ещё ниже опустит голову, признавая человеческое превосходство, но с чужими собаками безжалостен и его никто из псов, даже крупнее по габаритам, не трогает – боятся.

Есть и «брехливые», глупые собаки, которых просто не воспитывают, но таких мало.

Взрослые вычислили меня достаточно быстро и, иронично и ласково стали называть «собачья нянька». Вот таким образом я шла домой вместо двадцати минут по два часа, а если мама была во вторую смену и ждала меня из школы, то убегала, иногда, с последнего урока, чтобы подольше побыть с собаками и каждую оделить вниманием. Они мне заменили всех – и уехавшего старшего брата, и друзей, и любовь в семье; им было всё равно какие у меня оценки, и какая на мне бедная одежда, над которой смеялись одноклассники. Собаки меня просто любили. Одно могу сказать – никто меня так больше не любил, как они.

Прошло много лет и давным-давно нет этих псов, но встречая меня на улице, бывшие хозяева собак всё также называют меня «собачьей нянькой», а мой взрослый сын злится, идя рядом со мной потому, что я не могу пройти мимо ни одной собаки, встречающейся на моём пути без того, чтобы автоматически не сказать ей «Привет». Вот такая, почти что собачья Маугли...

Одновременно с Рексом, у нас жили кошка Тишка и её котёнок Топка (почему кошку звали Тихоном, я не знаю).

Через время Тишка пропала, а Топка ещё долго жил во дворе, радуя и пугая мою маму. Объясню: Топка был крысолов. Ну, и мышелов, соответственно. Он их не ел, хотя Тишка, воспитывая своего котёнка, приучала его к ловле, принося куски добычи. Повзрослев, он категорически отказался есть мышей, и вёл почти вегетарианский образ жизни, но добычу, как приучила мама-кошка, приносил исправно. Почти каждое утро, на крыльце лежала тушка крысы или мыши, и моя мама, выбегая на работу, наталкивалась на эти дары, под лозунгом: «От нашего стола – вашему столу» и, довольного Топку, сидящего поодаль. Утреннюю тишину пререзал женский визг, от которого закладывало уши у всех соседей, и потом, каждый день, в шесть часов утра, меня будили и выставляли на порог с единственной целью – убрать хвостатое, хвастливое доказательство Топкиной любви к хозяйке. Только после того, как я выкидывала мышей и крыс на мусорку и давала отмашку маме, она осторожно приоткрывала дверь, убеждалась, что порожек «чист» и уходила на работу. Я, почёсывая Топку за ухом, или ложилась спать и, благополучно просыпала первый урок, или уже не ложилась вовсе.

Через много лет ушёл из жизни и Топка. Мама больше не заводила животных, так и жила без них, пока я, «схотив» замуж и родив сына, не вернулась домой. Откуда-то приبلудилась старая кошка, старая настолько, что у неё были стёрты зубы, и ела она только жидкую пищу. С ней связана интересная история. В то время, рядом с нами появились новые соседи — цыгане. Сначала старенький домик Фёдоровны купили кочевые цыгане, которые натащили целый двор ковров, перин и подушек, и вповалку спали на этом лежбище на земле, разводя костёр в любое время суток. Через непродолжительное время, они снялись всем табором и исчезли. Потом появились несколько цыган, забили посреди вытоптанного двора кол и привязали к нему старого овчара-кобеля со странным именем Ру. Они появлялись раз в неделю, оставляли собаке кучу хлебных огрызков, наливали в плошку воду и снова исчезали.

Ру был из брехливых и злобных псов. Он сидел посреди двора на короткой верёвке, даже не делая попытки сорваться с неё, и гавкал на любой звук в округе. Звуков было много, и пёс заходил в старческом лае, делая перерыв только на короткий сон ночью, чем бесил окружающих соседей. Разговаривать на этот счёт с периодически появляющимися цыганами было изначально бесполезно, и мы все, в летней жаре с открытыми окнами, страдали от беспокойного пса. Нам, в отличии от других соседей, было тяжелее других – временка, в которой мы жили, прилегала к забору из сетки-рабицы почти вплотную, а в нескольких метрах и сидел овчар, который пытался кидаться на любого из нас, проходящего по собственному двору. Конечно, я предпринимала попытки наладить с ним контакт, но он, услышав звук человеческого голоса, впадал в неконтролируемую ярость, а на бросаемые через забор объедки и кости не обращал внимания. Правда, ночью всё съедал, но днём был неподкупен.

Пёс, хоть и старый, был красив – восточно-европейские овчарки отличаются своеобразным окрасом и статью. Я возилась по хозяйству под навесом у себя во дворе, изредка кидая взгляд на Ру. Если наши взгляды встречались, пёс начинал гавкать, но теперь я молчала, и он постепенно успокаивался.

Август набирал обороты. Даже в тени под деревьями было жарко, а на открытом пространстве прозрачными струями переливалось раскалённое марево, охватывая собой всё живое и Ру, находясь на солнцепёке, не имея возможности даже скрыться в малейшую тень в виде будки или навеса, сильно страдал. К жаре добавились мухи, объедающие кончики его ушей, что я однажды и обнаружила, глянув на пса.

Есть такое выражение «сердце обливалось кровью». Я смотрела на старого Ру и испытывала душевные муки. Появившимся цыганам передала солидол, с просьбой помазать овчара, но они, взяв банку, исчезли вместе с ней, даже не притронувшись к собаке. И я пошла к Ру.

Узнав о моих намерениях, мама впала в ступор. Над сложившейся ситуацией реяло воспоминание о том самом случае из моего детства и даже время года совпадало! Но я упрямо и молча мостила к забору табурет, чтобы удобнее было перелезть, под гневные крики моей

матери с одной стороны и оглушительное гавканье Ру, с другой. Перемахнув через забор, я пошла к овчарке. Чем ближе я подходила, тем тише звучал голос Ру, пока он просто не замолчал, глядя на меня с удивлением. Честно говоря, мне было всё равно, что он там обо мне думает, мне надо было обработать его раны солидолом, который считается народным антисептиком и хорошо отпугивает мух и оводов.

Конечно, было страшно – пёс слишком агрессивен, но больше перевешивала решимость, которую и учуял Ру. Я просто молча подошла к севшему от удивления овчару, протянула руку и сказала: «Иди сюда, я помажу тебе уши», и пока пёс раздумывал, как поступить, добавила металла в голос: «Ну!». Ру встал, сделал шаг и снова сел, очутившись под протянутой рукой, как будто мы сто раз репетировали этот номер. За моим забором стояла тишина, тишина окружала и нас с псом, пока я осторожно накладывала мазь ему на уши. Описывать не буду, но зрелище было ужасным. Закончив, отошла к забору, и мама молча передала мне воду для собаки. Ру сидел так же не двигаясь и наблюдал, как я наливаю ему воду, как оставляю кашу в миске и опять перелезаю через забор.

С тех пор, овчарку как подменили. Нет, он не лебезил передо мной, да и я не старалась добиться от него признания меня за хозяйку, но отныне он поставил меня если не выше себя, то вровень. Уши обрабатываясь пару раз в день потихоньку заживали и, наконец, снова радовали своим нормальным видом. Забив в землю несколько узких досок, я соорудила примитивный, низкий навес из куска брезента, куда Ру заползал в полдень от прямых лучей солнца. Так прошло несколько недель. Ромалы, глянув на моё сооружение, о чём-то поговорили между собой и пропали на целый месяц и я, воспользовавшись этим, всё больше времени проводила с овчаркой.

Пока не видела мама, я так же перелезала через забор и садилась на землю, рядом с Ру. Он приваливался ко мне почти боком, упирался лохматой башкой в плечо и дремал, пока я, первые несколько дней отгоняла от его кровотокашей ушей полчища мух, потом, когда уши перестали его беспокоить и к вечеру спадала жара, он поскуливанием звал меня к себе, поиграться. Верёвку, на которую он был привязан, я удлинити и у Ру увеличилось место для свободы. Он припадал на передние лапы, прыгал в разные стороны, уворачивался, а я ловила его то за шею, то за хвост, опрокидывала на спину и щекотала брюхо. Ру визжал от смеха, осторожно прикусывал мне руки, но стоило отдвинуться, как тут же просил продолжить игру. Глаза его горели, хвост, ранее поджатый, весело развивался и даже шерсть, после нормальной, регулярной пищи, приобрела гляцевый оттенок. Он почувствовал себя нужным, любимым, и старался из всех своих собачьих сил соответствовать гордому званию овчарки. Теперь он возлежал возле своего навеса и подавал голос лишь при приближении кого-то к своей калитке, а так как никто и не собирался к ней притрагиваться, то оглушительное молчание вызвало приятное недоумение со стороны соседей.

Но, однажды наступило утро, когда Ру не оказалось на своём месте. Всё осталось как и было, кроме овчарки... Больше я его не видела никогда, цыгане исчезли без следа вместе с собакой, а через несколько дней, новые хозяева участка начали строительство дома.

*

Новыми хозяевами тоже оказались цыгане, только «рангом» повыше, перекупившие участок у своих соплеменников. Ну что сказать... Соседями они оказались неприятными – классический вариант, как их описывали с древних времён. Они быстро возводили большой дом в худшем варианте стиля «кич», не расплачиваясь с русскими нанятыми строителями-работниками, из-за чего скандалы в соседнем дворе почти не затихали. Цыганский язык, вперемешку с русским матом, густым облаком стоял над участком.

В обход архитектурных законов, три больших окна строящегося дома выходили прямоком в наш двор, но обнаружила я это, только вернувшись с работы. Разборки, естественно, ничего не дали и строительство закончилось в рекордные сроки. Старую временку, принадле-

жащую ещё Фёдоровне, они оставили, и поселили в ней вечно пьяного мужика русских кровей, в качестве батрака «на все руки» за кров, еду и стакан водки.

Сам хозяин Николай тоже пил и иногда, когда «ловил белочку», выбегал во двор и выл. Обычно это происходило ночами, как и почти все их «приколы» в виде, например, желания развести мощный костёр. Костёр достиг в высоту почти до крыши дома и мы, поднятые по тревоге лопнувшим от жара стеклом в своём окне, носили ведрами воду и поливали стену своей временки, которая раскалялась от близкого огня. Часто у него возникало неодолимое желание поиграть на баяне, и возникало оно на пике алкогольного опьянения тоже под утро.

Сыновья его почти не пили, но легче от этого не становилось – однажды я мыла посуду возле своего крана во дворе и услышала выстрел из охотничьего ружья прямо над головой, а затем, на меня красиво спикировали мелкие кусочки бумаги из отработанного пыжа. Честно говоря, я уже даже не удивилась, только отряхнулась, закрутила кран и пошла на разборки. В их доме и дворе царила небывалая тишина, кухонное окно из которого в меня стреляли, было закрыто, и только форточка медленно покачивалась, останавливаясь. Как выяснилось потом, им захотелось посмотреть мою реакцию на выстрел.

Кроме двух взрослых сыновей, у Николая была восьмилетняя дочка Маша. Однажды, дело было тоже летом, ей купили в качестве живых игрушек несколько маленьких цыплят. Наигралась она с ними быстро и цыплят отдали на хранение батраку во временку, откуда один сбежал к нам во двор. Мы стояли, разговаривая с мамой, у порога, когда раздалось попискивание, и с удивлением, увидели протискивающегося в ячейку забора сетки-рабицы жёлтый комочек пуха. Зрелище было настолько уморительным, что мы рассмеялись, а он, услышав нас, зашепшил поближе к нашим ногам.

Соседей слышно не было, батрака тоже, и я, подхватив это чудо, посадила его на время в большую посылочную коробку, накрыла металлической сеткой, а сама пошла переодеваться, чтобы ехать по делам – мы уже куда-то опаздывали. Собравшись втроём через десять минут у калитки, увидели странную картину. Наша старая приبلудившаяся кошка, лихорадочно крутилась вокруг коробки с цыплёнком, тревожно взмуркивая, а он отвечал ей пронзительным пищанием. Наши мнения разделились: мама считала, что кошка рвётся к цыплёнку, чтобы его съесть, я же видела в кошачьем поведении ярко выраженный материнский инстинкт. В итоге, устав спорить, я просто убрала кусок металлической сетки и кошка, ни секунды не задумываясь, запрыгнула в коробку, обнюхала цыплёнка, пару раз лизнула его и улёглась, свернувшись в клубочек. Птенец сразу приглушил интенсивность своего пищания, пробежался по кошке, устроился поудобнее на её мягком и тёплом боку и мгновенно заснул – он нашёл маму. И ему было всё равно, что она оказалась кошкой.

Моя собственная мама со скепсисом отнеслась к этой умиротворяющей картине. «Вот увидишь, кошка съест цыплёнка, как только он проснётся» – сказала она. Я только молча на неё посмотрела, подхватила на руки маленького сына и мы уехали. Когда вернулись, цыплёнок, всласть выславшись, бегал по коробке и по кошке снова попискивая, и был бодр и весел. Я высадила всю компанию на травку в палисаднике, накормила обоих и потом улыбаясь наблюдала, как цыплёнок, не отходя далеко от своей приёмной мамы, поклёвывает всяких жучков-червячков туюкая клювом в траву, а кошка, лёжа на боку, спокойно за ним присматривает.

Кухонное окно соседей выходило прямо на наш порожек, и на следующее утро Машка увидела своего цыплёнка. К тому моменту всех других цыплят она уже умертвила и требовала отдать ей и этого. Разразился скандал. Мы в нём участия не принимали, только молча слушали крики: «Украли!». Я с ними и не спорила, отдала через забор батраку их цыплёнка, о чём горько пожалела уже через два часа. Батрак тихонько подозвал меня к забору и протянул на руке мокрого птенца, которого ощутимо потряхивало. «Что она с ним делала?» – мрачно спросила я. «Топила, как и предыдущих» – так же мрачно ответил он.

Я вытерла его, постелила в коробке сухую тряпку и отдала птенца кошке, которая сначала тревожно крутилась рядом со мной, а потом сразу запрыгнула в коробку, выжидательно глядя на меня. Получив своё цыплячье дитя, она попробовала его вылизать, но быстро оставила эти попытки, свернулась клубком и подгрребла цыплёнка поближе к своей шее, осторожно приобняв лапой. Он оказался как бы в тёплом гнезде, где кошка окружала его со всех сторон, но голова малыша находилась на воздухе. Проверив рукой, что кошка на него нигде не давит, я поднялась с корточек и, нос к носу, столкнулась с мамой: «Он не выживет. Если цыплёнок молчит, значит не жилец». Так и оказалось. На утро я обнаружила в коробке ту же картину, только цыплёнок уже давно испустил дух... Дальше был ещё скандал, когда соседи требовали им возместить ущерб, купив десяток других цыплят и я, интеллигентная молодая женщина, не повысив голос и не разу не повторившись в течении нескольких минут, ответила им простым русским языком, куда они могут идти со своим отношением к животным, а потом захлопнула калитку. К сожалению, было ещё много всяких неприятных ситуаций, так что ничего хорошего в адрес этой семьи сказать не получится.

Через несколько лет глава цыганской семьи проиграл в казино крупную сумму, и для покрытия долга быстро продал этот дом. В память о них у нас остались вконец издёрганные нервы, отвращение к цыганским песням, а мама, обожавшая до этого Николая Сличенко, ещё лет десять быстро переключала канал телевизора, только увидев на экране замечательного цыганского актёра и певца – наслушалась соседского пьяного пения.

Старая кошка периодически куда-то уходила, не появляясь по два-три дня, и мы перестали о ней беспокоиться. А однажды она не вернулась.

Но спустя непродолжительное время после её ухода, у нас появился новый жилец, вернее, новая жилища. Она и раньше возникала в нашем дворе, навеваясь на короткое время. Оказывается, просто присматривалась. Убедившись, что мы ей полностью подходим, она, в один прекрасный день, твёрдо уселась на пороге и, не отводя взгляда, пристально уставилась мне в глаза. «Я буду жить здесь» – сказала она. «Нет» – твёрдо ответила я, взяла её на руки и, подзвав цыганского батрака, отдала обратно. Через пятнадцать минут, она снова возникла возле двери. В итоге, я начала её гонять, отбросив хорошие манеры, а она, отбросив СВОИ хорошие манеры, настырно пролезала в любую щель, пока однажды, проскользнув у меня между ног, не забила под диван в комнате и категорически отказалась из-под него выходить. Она просидела там почти сутки, не выходя ни поесть, ни в туалет и я поняла, что переубедить её не удастся.

Заглянув, в очередной раз под диван и увидев, что кусок колбасы так и валяется рядом с ней нетронутый, а глаза, отсвечивая зелёным светом, горят так же нестигаемо, я села и устало сказала: «Выходи». Она поняла меня правильно. Раздался шорох, из-под дивана показались передние лапы и она, поднатужившись, наконец, выбралась.

«Ну что мне с тобой делать? Ты представляешь, какой будет скандал?» – тоскливо спросила я. «Ах, какие глупости! Будем просто жить. Ты лучше посмотри, как у меня под твоим диваном свалаялась шубка! И пыль... Ты плохо вытираешь под ним пыль!». Я смотрела на эту, невероятной красоты сибирскую кошку, на её шёрстку, и правда примятую низким диваном, которую она, наскоро, пыталась привести в порядок и думала, как быть. «Ладно – решившись, сказала я, – Ты можешь здесь жить, но если тебя увидят...». «Никто не увидит! – оживившись, прощепетала-промурлыкала она, – А теперь пойдём к холодильнику и посмотрим, что у тебя есть для меня вкусенького. И да, учти, что я люблю молоко. Немного подогретое. Запомни – немного!»

Я назвала её Агнешкой.

*

Да, у кошки было своё имя, но я решила – если жизнь в новом для неё доме с нуля, то и кличка новая. Агнешка с удовольствием меня поддержала, иначе как объяснить, что кошка, впредь, только на него и отзывалась? К своим бывшим хозяевам она более не сделала ни шагу.

Наступила осень и, с холодами Агнешка прочно обосновалась в моей кухне-коридоре, в уютном ящичке, на старом свитере, под столом. В комнату она заходила редко и то, только по делам. По каким таким делам, я узнала совершенно случайно, заглянув в комнату, где учил уроки мой сын-первоклассник. Оттуда уже давно не раздавалось никаких звуков и я, занимаясь приготовлением пищи, наконец насторожилась и открыла дверь. Сын, свернувшись в клубочек, лежал на боку в своей кровати, рядом сидела Агнешка и трудолюбиво намывала ему голову.

«Что это такое?!» – недоумённо спросила я. Мой сын, приоткрыв глаз, хитро на меня глянул, а Агнешка невозмутимо ответила, на минутку прервав своё занятие: «Я мою ему голову. От него невыносимо воняет мылом!», «А чем должно пахнуть?!». Она снисходительно ответила: «Кошкой!» и продолжила свои помывочные процедуры. Я просто не нашлась, что на это ответить. С тех пор она прочно заняла выдуманное ею самой место придворного цирюльника, а я могла только корректировать её неумное рвение, отводя время для этих процедур перед купанием сына. После её тщательного прилизывания, волосы моего ребёнка становились торчком под разными углами, закреплённые кошачьей слюной и их надо было долго промывать детским мылом, к которому с таким презрением относилась кошка. Но сыну нравилась оригинальная релаксация, как и Агнешке, и я не разгоняла спаявшийся, на этой почве, коллектив.

У меня и до этого были кошки и коты и, надеюсь, будут ещё, но – тоже на это надеюсь, больше никогда не будет ТАКОЙ. Она имела совершенно категорическое мнение на счёт всего, что её окружало и не позволяла от него отступить никому, в том числе и самой себе. Ела она только то, что хотела, а не то, что дают и, лучше голодала, чем ела что попало (извините за невольный каламбур с уклоном в Омара Хайяма). Молоко, пока оно не нагреется до определённой температуры, тоже не пила – вероятно, тщательно берегла горло и голосовые связки. С большой неохотой приоровилась к нашему режиму дня, где мы ложились спать в определённое время, но приняв его, потом недовольно разгоняла нас по кроватям, когда мы нарушали режим накануне выходных. Если бы она могла добраться до выключателя, то, более чем уверена, она бы и свет выключала в строго определённое время. Была у неё ещё одна странная привычка – стоило кому-нибудь открыть нашу калитку, Агнешка начинала рычать, как собака, предупреждая о гостях.

И она была единственной кошкой, которая любовалась на себя в зеркало. Кто-то из котов или пугается своего отражения, как первоначально было с Марселем, или же не обращает внимания. Но Агнешка... Нет, она не крутилась возле зеркала, оглядывая себя со всех сторон – она изящно усаживалась напротив него и начинала, поворачивая голову то так, то этак, рассматривать себя. И своё собственное отражение ей, несомненно, нравилось! Так, налюбовавшись на себя с полчаса, она удовлетворённо отходила от зеркала и начинала приводить свою шубку в порядок, что тоже делала долго и с удовольствием. Очень чистошерстная кошка. Очень. Иногда это раздражало. Вылизывая свою шкуру, Агнешка громко и монотонно плямкала языком, проводя им по шерсти и, через некоторое время, такие звуки вызывали нервную чесуху.

Её красота была невероятной. Пушистая по породе, Агнешка имела шикарный воротник, более похожий на лисий хвост и гордо его носила. Ушки с кисточками, интересный окрас, изумрудного цвета глаза с поволокой... Да, она была красавицей, что через несколько месяцев подтвердили и коты, многочисленным и голосистым войском оккупировавшие наш двор. Агнешка была в восторге – столько поклонников! Насладившись всеобщим любованием, она выбрала парочку котов, к которым благоволила, а остальных, когда ей надоело играть в Царицу Всех Кошек, безжалостно разогнала. Два хвостатых жениха на пару недель прочно обосновались у нас, сидя невдалеке и ревниво поглядывали друг на друга. Агнешка же, то кокетливо стреляла глазками из-за приоткрытой двери, то выходила на свидание, небрежно бросив мне

через плечо: «Буду не скоро». Мои тонкие намёки, что до марта ещё несколько месяцев она гордо игнорировала. Отгуляв положенное, она впала в почти непрерывную спячку, чему способствовали и погода, и её интересное положение.

Я уже знала, что с Агнешкой придётся расстаться – крайне недовольная мама, заставляя убирать меня последствия нашествия кошковых поклонников, поставила жёсткий ультиматум. Но, под уверения, что найду Агнешке новых хозяев, я выторговала две привилегии. Во-первых, пусть Агнешка родит и немного выкормит котят, во-вторых... «Давай заведём собаку». Мама оторопела: «Собака!.. Да их не было в моём дворе много лет и столько же ещё не будет!» Но постепенно, под градом весомых аргументов, где на первом месте стояла охрана двора и дома, всё же сдалась: «Только небольшую» и вопрос был решён. А пока я тянула время.

В то время я работала в «лётке» – высшем авиационном училище, выпускающем военных лётчиков, находящемся недалеко от моего дома и, каждый день, проходя через КПП, обратила внимание на небольшую собачонку рыжеватого окраса, крутящуюся у караульного помещения. Увидев её сильно округлившиеся бока, как-то подошла к солдатам, но они сделали удивлённые лица: «Рыжая собачка? Нет, не видели такую». В этот момент дверь за их спиной открылась и на пороге нарисовалась та самая псинка. Смущённые ребята, почёсывая за ушами так не вовремя вышедшую из тепла караулки собаку, признались под большим секретом, что прячут её, передавая по смене, а узнав, что меня интересует будущий щенок «мужеска полу», обрадовались. «Не знаем, что делать с её щенками, когда приведёт. Ладно, что-нибудь придумаем. Она должна на днях ощениться, заходите, выберете себе, а через месяц и заберёте». Через два дня, счастливая собачья мама показывала мне своих щенков, а радостная другая смена караула, рассказывали, что начальство, всё же засекло «неустановленных животных» и... распорядилось «Кормить собаку до отвала. Отходы брать в столовой», заодно выбрав щеночка и себе. Осталось двое малышей, но мальчик был один, его-то я и попросила оставить мне.

Агнешка родила спустя несколько недель, после моих приключений с щенком. Котят было двое и мастью они пошли в маму. Умиротворённая Агнешка почти не вылезала из своей коробки, громко урчала и вылизывала своих детей часами – дорвалась. Но через неделю меня выцепили ребята с КПП: «Забирайте скорее, у нас комиссия!» и домой я вернулась с рыжим собачьим карапузом Рексом. Да, я назвала его в честь своего Рекса. Обстановка сложилась трагикомическая: в моём маленьком коридоре-кухне, одновременно оказались кошка с двумя котятками, щенок и... воронёнок в большой клетке. Его мы с сыном подобрали в роще на территории Лётного училища, куда я иногда забирала сына с собой на работу. Воронёнок выпал из гнезда на тополе, и я до сих пор не могу понять, каким образом его высидели родители, если на дворе было только начало весны. В кухне стоял галдёж, мяуканье и тьяканье – Ноев ковчег в сильно сокращённом варианте. Агнешка с недоумением разглядывала щенка и плотоядно косилась на воронёнка, но тут со мной спорить было бесполезно и она, со вздохом, их приняла. Рексу я поставила другую коробку, но рядом с кошачьим домиком и Агнешка принялась за воспитание щенка. Первое и главное (кто бы сомневался), собака должна пахнуть кошкой и быть всегда ею умытой. Во-вторых... «Он совсем маленький!» – с упрёком сказала она, посмотрела на своих спящих котят и перелезла к щенку в коробку, подставив ему свой живот с молоком. То, что Рекс даже не доедал свою еду в миске, кошкой игнорировалось полностью. Пока он насыщался с совершенно счастливым видом, Агнешка его тщательно умыла, а когда он попробовал прекратить эту принудительную и надоедливую процедуру, она, зацепив его когтями, подтащила к себе поближе с криком: «А уши?! Уши ещё не мытые!» И хотя Рекс был ростом почти с саму кошку, слушался её беспрекословно, иначе дело заканчивалось лапоприкладством со стороны Агнешки. Уже через несколько часов, собачье-кошачья команда шастала по коробкам туда-сюда, засыпая в самых причудливых позах – то на Рексе спит один котёнок, а другой с кошкой, то Рекс перелезает к кошачьему семейству попить молока и пройти, в обязательном порядке, помывочный ритуал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.